

Слов'янські літератури

УДК 821.161.1."1760–1770"

Александр Ивинский (Москва)

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА 1760–1770-х ГОДОВ: ПРОБЛЕМА ПЛАГИАТА И НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА

Статья посвящена проблеме плагиата в русской журналистике 1769–1774 гг. Она рассматривается в контексте литературной программы Екатерины Великой, сформулированной на страницах «Всякой всячины». Новая литература строилась как имитация непринужденной беседы с читателями; её главные ценности — галантность и светскость. Ей была противопоставлена идея «старой литературы», которая объявлялась бездарной, невежественной, невежливой и вторичной.

Ключевые слова: Екатерина Великая, Новая литература, проблема плагиата, «Всякая всячина», галантность.

В 1920-е годы. Г. А. Гуковский сформулировал концепцию принципиальной анонимности русской литературы эпохи классицизма. По словам ученого, «художественное мышление середины XVIII века было мышлением классификационным. Опираясь на нормы должного и сущего (авторитеты), оно мыслило эти нормы разделенными на отделы и подотделы жанров и их разновидностей. Абсолютно ценное в литературе представлялось лишь в образе своих родовых разветвлений, и жанры были схемами родовых групп абсолютного в искусстве» [3, с. 277–278]. «Состязания и переводы» той эпохи отрывали «произведение от автора, потому что произведение становится в ряд попыток, стремящихся выразить подлинное решение, дать отвлеченно-совершенное выражение предложенному выражаемому, и в абсолютно-единственном внеиндивидуальном идеале находящих свой фон и свое обоснование; произведение не становится в ряд многосторонних выражений авторской индивидуальности; оно не проецируется на единство с другими произведениями автора, школы, эпохи» [3, с. 260–261]. Отсюда вывод: XVIII век не волнует проблема плагиата, потому что авторы лишь варьируют одни и те же образцы в своих текстах: «По-видимому, такой метод работы, ориентированный на литературу, а не на что-то, что хочет выразить и передать читателю человек-поэт, никого не удивлял, был принят в кодексе художественных понятий эпохи. Никто, по крайней мере, не обвинял поименованных выше поэтов в литературных

хищениях, даже вообще в несамостоятельности труда. Да и не могло никому прийти в голову осудить поэта за то, что он не сделал иначе, когда уже есть хорошее» [3, с. 269].

Эта концепция Гуковского стала объектом научной рефлексии в 2000-е годы. Сначала в 2001 году ее оспорил В. М. Живов. С его точки зрения, «XVIII столетие — ни в русской литературе, ни в литературах западноевропейских — отнюдь не является апогеем анонимности» [4, с. 26]. По словам Живова, «понятие плагиата появляется в русской литературной жизни не с романтизмом и даже не с “предромантизмом”, а в эпоху классицистических норм» [4, с. 27–28].

В 2004 году С. И. Николаев посвятил проблеме оригинальности, подражания и плагиата в русской литературе XVIII века отдельную статью. Исследователь вступил в полемику и с Гуковским, и с Живовым. С одной стороны, Николаев признал, что «русская литература XVIII в. пестрит упоминаниями о литературных “хищениях”: в сатирах и сатирических посланиях, комедиях и эпиграммах, критических статьях и книжных предисловиях или примечаниях, мемуарах и переписке рассеяно множество прямых указаний либо глухих намеков на литературные заимствования, а чаще всего просто кражу чужого произведения или его части» [9, с. 3]. С другой стороны, ученый полагал, что «несколько обстоятельств не позволяют говорить о появлении в середине XVIII века понятия плагиат в понимании, близком к нынешнему» [9, с. 3].

При этом ни Гуковский, ни Живов, ни Николаев не обратились к материалам русской журналистики 1769–1774 годов. Авторы периодических изданий того времени постоянно обсуждали проблему плагиата. Вот, например, что пишет об этом «И то и се» М. Д. Чулкова: «Хотелось было мне назвать оное моим сочинением, видя, что выпала у нас такая мода, что редкое называется переводом, а всегда сочинением, но как я не совсем еще прожился совестью, то и показалось мне несколько оное неблагопристойно. Некоторые нынешние господа писатели не пекутся о бессмертной славе, но прикладывают все свое старание к получению часовой похвалы, которая, хотя сама по себе и ничего не значит, но им чрезвычайно мила. Они таскают из разных многих сочинений и, выдавая оные под своим именем, нимало не страшатся быть уличены в похищении чужого добра. Многие иностранные писатели по смерти своей научились говорить по-русски, и не только что чисто говорят нашим языком, но и сочиняют на оном весьма похвальные издания. Впрочем, имен своих никогда они не подписывают, но всегда видно, что позволяют подписываться другому, отчего ныне сделалася великая теснота на Парнассе, и думаю, скоро дойдет до того, что господа сочинители начнут спихивать друг друга с крутой и высокой той горы, тут то будет плач неутешный и драка не описанная» [6, 41 лист, с. 7–8]. А вот пассаж из «Адской почты» Ф. А. Эмина: «Это Ергаст, наш стихотворец, — отвечал юноша. — Он думает, что равного ему в разуме и в хорошем вкусе нет; однако ж лучшее его достоинство состоит в том, что он умеет хорошо обирать других авторов <...>» [14, с. 73]. Не прошел мимо этой проблемы и «Трутень» Н. И. Новикова: «<...> Бургомистр города Б. весьма разгневался на своего Короля. Другое злополучие еще хуже того: некто, в Москве на некотором мосту прежде стихи свои продававший, сюда прибыв, ваши листки называет безделицами, в себе ни разума, ни забавы не имеющими. Ах, его критика столь разумна и вам вредна, сколь бургомистров гнев королю опасен! Щастие, на которое как-то он налез, так его ослепило, что ныне равного себе в разуме не видит. Однако ж некоторые на рифмах бредни, им из разных чужих лоскутков сшитые, многие похваляют <...>» [13, с. 94–95].

Такое внимание к проблеме плагиата трудно объяснить, если рассматривать ее вне контекста тех дискуссий о литературе, которые велись на страницах русских литературных журналов 1769 года¹ «Всякая всячина» и ее многочисленные «внуки» сформулировали новую концепцию

¹ Из журнала в журнал переходит одна и та же мысль: российский Парнас оккупировали бездарности, которые за деньги готовы писать о чем угодно: «Известие сие во первых я даю, // Что авторство мое за деньги продаю // Копейка — мадригал, с полушкой — эпиграмма, // Три денежки — рондо, а пять копеек — драма, // Элегия — алтын, пять денежек — сонет, // Идиллия — хоть грош, полушка за билет <...> [6, 22 лист, с. 4]; ср.: «На прошедших днях, а в которое точно время, того не упомню, приехала ко мне богатая боярыня, в великолепной карете на двор она взъехала, а на крыльцо и в горницу благоволила войти пешком. <...> говорила мне так: Государь мой, у меня умерла постельная моя собачка. <...> Приехала я к тебе, продолжала она, просить, чтоб ты сделал мне самую плачевную элегию, которая бы не только меня, но и всякого читателя тронуть могла. В ней ты опиши начальное происхождение прелестной той собачки <...> Потом изъясни, как она прыгала, резвилась и скакала для моего увеселения, опиши все это ясными словами, а в уплату за сие обещаю тебя довольствовать весь твой век чернилами и бумагою» [6, 42 лист, с. 6–7]; «Я из числа желателей денег; того ради и прозою и стихами стараюсь неусыпно достать оные, однако думаю, что они зареклись ни с востока, ни с запада, ни с севера, ни с

літературного творчествa и, как следствие, новое понимание плагиата и оригинальности, которые позднее будут не вполне справедливо ассоциироваться с эстетикой «карамзинизма».

Одним из важнейших симптомов наступления новой литературной эпохи стало изменение статуса торжественной оды. В этих произведениях нет ни «смысла», ни «правильных стихов», это самый «дешевый» и никчемный жанр, давно исчерпавший свои возможности:

«Дешевле всех стихов спускаю с рук я оды,
Причина такова, что оные уроды,
Ни смысла доброго, ни правильных стихов,
Ни должной похвалы, ниже завистных стров,
С начала до конца в сложеньи не имеют,
И денежку давать за оных мне жалеют;
Что ж дешево мои стихи я продаю,
Так знайте все, что я без мерки их крою <...>»

[6, 22 лист, с. 4]¹.

Одновременно с этим был предельно снижен образ автора. Во-первых, современный писатель — невежда, он ничего не знает и ничему не учится: «Многие ныне принимаются писать, думая, что хорошо сочинять также легко, как продавать снурки, серьги, запонки, наперстки, иголки и прочие мелочные товары, коими щепетильники торгуют в деревнях, и меняют оные на лапти и яицы, но они обманываются. <...> чтобы уметь хорошо сочинять, то потребно учение, острый разум, здоровое рассуждение, хороший вкус, знание свойств русского языка и правил грамматических и, наконец, истинное о вещах понятие; все сие вместе есть искусство хорошо писать и в одном человеке случается весьма редко, ради чего и писатели хорошие редки, не только у нас одних, но и в целой Европе. Кто пишет, не имевши дарований и способностей, составляющих хорошего писателя, тот не писатель, а бумагомаратель. По нещастию, нашему, у нас много таких писцов, кои, напечатав пять страниц худого своего сочинения, принимают на себя название автора, будто бы авторство зависело от типографии. Типография за деньги печатает книги, но ума не продает: кто пишет наудачу, тот грешит против здравого рассудка [11, с. 10–12]².

юга и, словом, не идут ко мне ниоткуда. Прозаиком был я беден, попробую пожить стихотворцем» [6, 16 лист, с. 1–2]; «<...> не имею ли я справедливой причины ненавидеть Муз, Аполлона и всего Парнасса, от которых произошло все мое несчастье. Я их любил и любил бы всегда, естли бы они несколько были побогаче, а иногда приходит на меня и такое время, что я бы весь Парнас с Музами и с Аполлоном продал за полтину, но та моя беда, что ни один невежда не даст мне за него ни одной копейки. По рождении моем написал я больше, нежели степная Татарская архива, но за все сие получил не больше, как на одну только провизию для утоления моего алча, следовательно, не имею теперь ни одной копейки. <...>» [6, 48 лист, с. 3]. На однообразие русской журналистики того времени указал М. Д. Чулков: «<...> к чему у вас заведено столько еженедельных журналов, которые я сначала покупал, но ныне уже перестал, думал я, что оных начала обещают много полезного, а как после рассмотрел, то все господа сочинители оных говорят всегда об одном, но только разными словами <...>» [6, 24 лист, с. 6].

¹ Об этом подробнее см.: [7].

² Ср.: «<...> ныне де все пишут, у кого здорова правая рука, и есть перо, чернила и бумага. Да я не знаю, говорил я, ни правописания, ни составления речи. Вот какой шут, сказал он, я шесть лет мараю бумагу, а не знаю правописания, а что такое составление речи, о том и не слыхивал, однако ж было такое время, что и мои сочинения хвалили» [12, с. 100]; «<...> кто только умеет перо в руки взять и водить им по бумаге, то и тот уже стремится выдавать маранье свое в печать» [6, 18 лист, с. 6]; «Пегас от начала света был только один и употребляли его великие люди, то есть великие стихотворцы, но ныне умножилось слишком стихокропателей, а Пегас им не служит, того ради надлежит сделать заводы особливые для Пегасов, от чего разбогатеть можно всякому <...>» [6, 29 лист, с. 7]; «Забудь, что не умеешь ты ни одного соплесть стишка; что нужды, что не знаешь ты правил стихотворства? Пиши прозу и научись только прибирать рифмы, ты и тем себя прославить можешь. Многие в стихотворстве не больше твоего знания имеют, но со всем тем пишут трагедии, оды, элегии, поэмы и все, что им вздумается <...>» [11, с. 19]; «Ежели посмотреть на молодых нынешних писцов, то подумать можно, что труднее быть посредственным сапожником, нежели автором: все обучаются тому ремеслу, в котором хотят упражняться, но безграмотные писцы учиться и знать правила почитают за стыд» [11, с. 88–89]; «Но молодые наши стихотворцы нашли кратчайшую к Парнасу дорогу; по их мнению, надлежит только знать, что мужской стих в 12, а женской в 13 стоп; а потом в неделю сделать можно стихотворцем, и трагическим, и комическим <...>» [13, с. 38–39]; «Некоторым сочинителям не знания и не науки, но одно слепое щастие доставило титул людей разумных и ученых. <...> От сея робости и раболепства нашего набилось их столько на Парнас, что по последней ревизии оказалось более ста тысяч человек» [10, с. 4, 5]; «Ты говоришь: вить другие пишут, не больше моего имея способностей; для чего же не писать и мне <...>» [5, с. 7]; «<...> мы ныне так стали разумны, что не только ничему уже не хотим учиться, но и за стыд почитаем упражняться в науках, а еще и паче во словесных» [5, с. 33].

Во-вторых, он не поэт, в лучшем случае — ремесленник, «рифмач», которому чужды «приятство» и «изящество»:

Писателю стихов, не думавши, поспешно,
 Которые читать ни жалко, ни утешно;
 Тому, кто их с такой поспешностью точет,
 Как блинник на базар блины когда печет. <...>
 Однако же и блин не тем одним хорош,
 Что скоро испечен; но естели он не вкусен,
 Он будет нехорош и нежну вкусу гнусен.
 Стихи ж не скоростью бывают хороши,
 Стихи приятностью касаются души
 И сердце нежное тогда воспламеняют,
 Когда лабазнею и маслом не воняют;
 Тут скорость не нужна, а нужен только склад.
 С тобою я, рифмач, ударюсь об заклад,
 Что нет в твоих стихах ни смеха, ни приятства,
 Ни чистыя стопы, ни самых рифм богатства.
 А ежели в них нет и этого всего,
 Такие и стихи не стоят ничего. <...>

[6, 18 лист, с. 5]¹.

В-третьих, современный автор тщеславен, горд, самовлюблен: «Другой с своими сочленами столь много превозносит свои труды, что не находит им достойной похвалы, и так самолюбив, что и Траянов панегирик не мог бы его удовлетворить» [12, с. 115]².

В-четвертых, он графоман: «Писать и выдавать в печать, сказывают, есть страсть, принадлежащая прямо стихотворцам и прозописателям; я, хотя не из числа ни тех, ни других, однако, также ею поразился. Видно, что эта болезнь весьма прилипчивая, да и следствия ее показывают, что она такова в самом деле, ибо она столь распространилась в здешнем городе» [6, 18 лист, с. 6].

Наконец, в-пятых, такой автор не брезгает откровенным подлогом: «<...> обычай издавать чужие мысли и труды под своим именем ныне стал в моде: эдакая кража теперь не приносит бесчестья, а еще славу доставляет» [6, 7 лист, с. 2]. Таким образом, плагиат — это только одна из претензий, которую «новая литература» выдвинула по отношению к «старой».

Картина становится совсем неприглядной, если учесть, что все эти поэты и «прозописатели» постоянно «враждуют» друг с другом, нарушая нормы приличия. Они «злословят» «под именем сатиры»: «Тень одного из сочинителей, или, лучше сказать, из несносных вралеи нынешних веков. Сей человек был на свете злоязычником, всякий час вознамеривался он поносить целый свет, но, имея весьма мелкое понятие, злословил только людей знакомых, и чье только что узнавал он имя, того уж и ругать был в состоянии» [6, 36 лист, с. 1]³.

¹ Ср.: «По моде нашего времени писать не трудно: благодаря Бога, правая рука моя здорова, буквы чертить по бумаге научился еще с ребячества» [5, с. 13].

² Ср.: «Со прискорбием рассуждаю о гордости некоторых людей. Сие есть начало непристойных поступков, дурных стихов, витиеватого письма, которые смело выставляют обществу» [2, с. 401]; «Сказывают, что самолюбие не только что с хорошими писателями, но и с мелкими бумагомарателями неразлучно, а некоторые уверяют, что оно и тогда прилипает, когда еще они намереваются быть писателями, но я сего не утверждаю, а скажу только, что самолюбие есть болезнь самая прилипчивая и для писателей опасная» [11, с. 13]; «Я слышу и вижу, как некоторые господа плетут себе похвалу, елико мочи имеют, и принуждают читателя против его воли мыслить о себе изрядно, а других без всякой причины презирать и ненавидеть. Следуя такому правилу, вздумалось и мне похвалить самого себя под именем присланного ко мне письма, а оное письмо сделаю я и буду писать сам к себе, как многие то делают под разными видами» [6, 45 лист, с. 2]; «Клеон, превознесенный хвалами, думает о себе, что он превосходит Пиндара, за тем что обучал риторике не знаю в каком-то монастыре и вытвердил наизусть всего Вергилия. Но не подумай, читатель, чтоб он писал согласно с здравым рассудком: он столько горд, что и рассудок презирает» [12, с. 119]; «*Начеркал* сочинил вздорную пиесу и вздумал, что он может равняться со всеми славными комическими авторами. Сие произошло от пристрастия и самолюбия <...>» [13, с. 184]; «Самохвал, прославляя мнимые свои достоинства, злоствовал на всех тех, кои заслужили всеобщую любовь и почтение, и, называя всех невеждами в словесных науках, не знал различия между Демосфеном и Катонном» [1, с. 40–41].

³ Ср.: «Пламя войны и между сочинителями возгорелось. Вооружились колкими своими перьями г. писатели; вашему Трутню в прошедший вторник немалое было бомбардирование. Всякая всячина добрый вытерпела залп,

Напротив, настоящие писатели и ученые бедствуют: «<...> все, учившиеся природные россияне, находящиеся при высокородных, гораздо несчастливы перед неучью, да еще и ненавидимы бывают за свои науки и за свое знание <...> бедный ученый человек в презрении и без награждения за свои многотрудные подвиги, не кажущиеся важными, по той причине, что ученых не по много в одном месте бывает, и изъяснить их дел партизанов не находится» [12, с. 43–44]¹.

Образ «новой литературы» конструируется по принципу резкого контраста. «Искусственности» и «лжи» литературы старой противопоставляются «естественность» и «истинность». Показательно, что издатели журналов считают нужным прибегать к форме непринужденной беседы с читателем, напр.: «Не прогневайся, господин читатель, что я некрасноречиво говорю, но это зависит от тебя: если ты мне сделаешь ободрение, каким бы то образом ни было, то я тебе наскожу и то, и сию, по пословице: *От прибытку уста глаголют*. Не подумай же, чтоб я просил у тебя денег, однако если ты мне оных дашь, то я, право, не отрекусь; ибо я человек такой, что от хорошего отговариваться не стану, да сверх же того еще не заплачено за мои труды <...> Впрочем, господин читатель, не ожидай ты от меня высоких и важных замыслов <...>. Я предпринял увеселять тебя и шутить перед тобою столько, сколько силы мои позволяют <...>» [6, 1 лист, с. 3, 5]².

Писатель нового типа — дилетант, который пишет только то, что сам считает нужным: «Я пишу то, что вижу и ни мало не пекусь о успехе моего издания» [12, с. 119]³. Поэту нужны «природа» и «дарование»: «Почтенные господа стихотворцы, вот ваш образец, не отдавайтесь вечно стремлению рифмоторствовать. Природа и дарование воспаляют вас не на многие годы. Доколе продолжается сей жар, в добрый час! Следуйте ему и отвержайте себе славными творениями двери бессмертия; но коль скоро пламень ваш начнет утухать, не дожидайтесь отказать от стихов, чтоб похуление и свист к тому вас не принудили. Предупреждайте свое падение благоразумным отшествием. «Но кто, скажете вы, в силах остановить падение стихотворца? Неужель Аполлоновы чада покорены времени». Изрядно, пойте до седых волос, когда вам угодно отказать от бессмертия» [6, 31 лист, с. 2–3]⁴. Новый поэт не пишет по заказу, ему необходимо вдохновение, он испытывает муки творчества: «Мне очень хотелось написать к вам письмо о том, что на меня рассердилась моя любовница, ибо я думал, что она, прочитав нежные мои жалобы, напечатанные в таком журнале, который она жалуется, отменит свою суровость и сжалится надо мной. Для исполнения сего предприятия я заперся в своем

Адскую почту атаковала какая-то неизвестная партия» [13, с. 107–108]; «Для некоторых сочинителей, которые грызутся между собою, как кошки с собаками, а особливо в песьи дни; потребно разума и согласия до несколько четвертей. Впрочем же, сие согласие весьма нужно, без которого мы иногда и обойтись можем, когда есть вакансии публичных дураков, то занимают у нас такие места мелкотравчатые писаки, и нам гораздо мило смотреть, как они дурачатся и ругают сами себя, а без того, конечно, не приметили бы разумными, а как они поссорятся, то и откроют нам все свои недостатки» [6, 30 лист, с. 6].

¹ Ср.: «Чорт меня дернул приняться за самое разорительное упражнение, а именно: за стихотворство. Я сочинил сказки в стихах и хотел их напечатать, но от меня за напечатание требовали денег, прежде напечатания. Вам, г. издатель, без сомнения известно, что люди моего промысла деньги почитают редкостью, а еще больше те, которые от стихов пропитание имеют» [13, с. 134]; «Самое негодное дело быть стихотворцем. Пропади во век охота ко стихам, названным еще божественным гласом: надобно над ними ломать голову, гоняться за рифмами, считать все слова по стопам и за весь труд не получить ни малой награды» [13, с. 145]; «<...> танцевальная наука не весьма много содержит в себе правил, хотя учителя танцеванья во многих домах принимаются лучше, нежели люди, разумеющие словесные науки <...>» [6, 14 лист, с. 3]; «Вы какое имеете ремесло спрашивал он у меня: и как я сказал ему, что пописывав книги, то он усмехнулся и советовал мне поить к себе в ученики и хотя ты будешь, говорил он, обметывать одни только петли, то и тогда достанешь в месяц больше, нежели за все твои сочинения в год» [6, 24 лист, с. 5].

² Ср.: «Ах, знаю, на кого он метит, скажет тотчас ложнодогадливый читатель. Я пересказал бы все клятвы, говоря в ответ, что не того писал, на кого он думает <...> однако мой отгадчик не перестанет твердить, что сие писано на него. <...> Нет, оставлю такие повести, кои побуждают к злословию публику, обыкшую все толковать в худую сторону. Лучше напишу волшебную сказку, сии сказочки часто и знатные, и ученые люди изволят читать на досуге» [12, с. 35–36]; число подобных примеров можно было бы умножить.

³ Ср.: «Я пишу единственно только для одного увеселения и другого намерения не имею, ибо сил моих к тому не станет, не требую похвалы и за славой не гоняюсь для того, что я их недостоин, а желаю, чтоб получил их тот, который мыслит о себе, что он приносит сочинениями великую пользу отечеству» [6, 9 лист, с. 8]; «Мы, благодаря Бога, насущный хлеб имеем, и пишем для того, что нам писать очень захотелось» [1, с. 6]; «Не должно таковых Пиитов ставить рядом, // Которы для своей забавы лишь поют, // С такими, кои петь примаются с подрядом, // И свой бездельный труд, как лапти продают» [1, с. 77].

⁴ Ср.: «Читатели! Прошу решить сию задачу: // Кто дара не имев, а пишет на удачу. // Умен или дурак?» [13, с. 111].

кабинете, велел слугам сказывать всякому, кто бы ко мне ни приехал, что меня нет дома; и накрепко подтвердил всем своим домашним, чтоб никто не входил и в ту комнату, которая была перед моим кабинетом. Таким образом раздав приказы о наблюдении тишины в моем жилище, думал, что непорочные музы, коих я с младенчества много почитал, не преминут меня посетить. В сей надежде сел за стол, взял бумагу и перо и начал писать. --- Но как много я в своем мнении ошибся! Сколько ни ломал голову не мог написать ни одного нежного стиха, служащего к смягчению сердца моей красавицы. Можно сказать, что в моем разуме сделалось великое затмение: я рассердился сам на себя, кусал перо, бил ногами и, бросаю все, бегал по горнице, но ни гнев мой, ниже досада не могли мне подать помощи, и музы, конечно, надо мною пошутили <...>» [12, с. 137–138].

Таким образом, учености (или псевдоучености), дидактизму и морализаторству, которые якобы были свойственны традиционным одам или трагедиям, была противопоставлена идея «легкой» словесности, ориентированной на нормы светского салонного разговора и рассчитанной на утонченный вкус придворной дамы: «<...> письмо от 1 числа мая 1769 года, подписанное К. М. со стихами в нем включенными, останется без тиснения для того, что выражения, там употребленные, редким ушам могут быть сносны. Мы же стараемся обществу не предлагать ничего такого, чтобы вежливости и добронравия было противно» [2, с. 192]. В таких текстах невозможна «грубость». «Вежливость», т.е. определенная модель поведения¹, предполагающая соблюдение норм светских приличий, — одна из главных категорий этой эстетики: «Суровое и невежливое сердце никогда довольнее не бывает, как когда оно оскорбит какую ни наешь особу; или когда ему удастся поссорить ближних родственников; или когда может целый род выставити в свет для насмешки тогда, когда оно само скрывается и всячески стережется, чтоб поступок его не узнали. Если с умом и с лукавством человек склонен к порокам, то он бывает вреднейшая тварь, коя может находиться во гражданском обществе» [2, с. 196]².

Новая литература дистанцируется от риторики: «Какая мне нужда в красоте слога: провались красноречие, ядом лести наполненное! Я ненавижу тех красноречивых рассказчиков, которые, обольщая слух, обманывают нас <...>» [5, с. 43]³. Во «Всякой всячине» формулируется важнейший для всей русской литературы, по крайней мере, пятьдесят последующих лет принцип «писать, как говорят»: «<...>я ни высоких мыслей, ни остроумных слов и никаких витиеватых силлогисмов не выбирал, а пишу самым простым штилем, которым обыкновенно говорят да при том наблюдаю ясность и справедливость» [2, с. 259]. Авторы должны стремиться к «приятности», «легкости», «остроте»: «Многие письменные сего автора <Д. И. Фонвизина. — А. И.> сочинения носятся по многим рукам, читаются с превеликим удовольствием и похваляются сколько за ясность и чистоту слога, столько за остроту и живость мыслей, легкость и приятность изображения <...>» [11, с. 104].

¹ «Всякая всячина», по сути, и является «учебником» «науки жить между людьми» [2, с. 210]. Неслучайно к ее издателю обращаются «господин Наставник» [2, с. 268]. На страницах журнала подробно обсуждается, что можно и что нельзя делать светскому человеку. Наиболее несурзные или «дикие» привычки и обычаи высмеиваются. Полемика с «Трутнем» поэтому начисто лишена какого-либо политического подтекста: Новиков обвиняется лишь в игнорировании светских приличий. Его «сатира на лица» признается «грубостью», а сам он — радикалом, которому «бы хотелось за все да про все кнутом сечь» [2, с. 175]; об этом подробнее см.: [8, с. 15–21].

² При этом обвинение в невежливости оказывается одним из самых серьезных, ср.: Предвижу, что ваши листки всегда я буду читать с удовольствием, ибо поныне я еще в них не заметила не только соблазна, но и противных слуху и благопристойности критик. Напротив того, в журнале вашей старшины я нашла много невежливого. Прежде сия госпожа завела между людьми многие ссоры, а теперь рассудила за благо развращать своими изданиями молодые умы, уча их смотреть на то, о чем иной и понятия не имеет [12, с. 81].

³ В этом контексте становятся понятны выпады «Смеси» против В. П. Петрова: «Мне кажется, потому, что у нас почти все к новостям охотники. У него разум а-ла-грек. Сия мода, служащая прежде к украшениям поверхностей, давно кончилась; и так бестолковые начали оною прикрашивать внутренние свои дарования и выкривлять свой умок то вверх, то вниз, то в ту, то в другую сторону на подобие а-ла-грека. Некоторый господин пуше всего избаловал известного вам умника, сказав, что он больше имеет способностей, нежели славный наш лирик. Но я смело скажу: дай Боже, чтоб сей господин мог порядочно разуместь сего лирика, не только определять цену его знанию и его аттестовать; по-моему, сходнее сказать, что муха равна со слоном, нежели сравнять нескладные и наудачу писанные его сочинения с одами славного нашего стихотворца» [12, с. 132].

Итог этой теме подводит «Всякая всячина»: «Господин нравоучитель! Исправляти нравы и вкореняти в сердца добродетель столь легким и приятным образом, как вы делаете, я почитаю за велико. Беспрестанные выговоры и брани со временем бывают привыкшему к ним неощутительны. Страшные угрозы и побои, не упоминая, что иногда портят здоровье, не имеют столько силы, чтоб вести к добру, попадают только повод скрывать зло: да они же теперь почти везде уже и выведены из обыкновения, кроме что в семинариях да в госпиталях, и то не знаю, надолго ли остались. Степенных же поучений не много видно, не много и слышно; не худо бы, кажется, было, если бы и сих поумножилось побольше. Однако же многим творцам нашим, не знаю, чего-то еще слишком недостает. Правда, пример вы им к подражанию подаете, но сего, думаю, для них не довольно. Дайте вы им еще и нравоучение. Скажите, чтоб они училися прилежно древним тем языкам, чрез которые все просвещенные народы почерпнули премудрость, а при том бы и свой природный язык любили и в великом имели почтении, упражняясь в оном рачительно и прибегая часто к посвященному оному источнику и ко многочисленным его протокам для получения ясного и твердого в нем знания; чтобы грамматически оный познати старались; склонения и спряжения протверживали; слога российского на немецкую и французскую стать не переделывали; чистоту и плавность в оном наблюдали: чтоб от младых по пословице ногтей не за казистое, не за блестящее, не за то, что в глаза мечется, хватался, но за твердое, за полезное, за то, что разум и сердце украшает, принимался, как говорится, и руками и ногами: чтобы читали славных оных во древности писателей не мельком или бегом, как обыкновенно читают часовник или псалтирь спешащие дьячки, не понимая в них и десятого слова, но обращали бы их чтение, так сказать, в сок и в кровь себе; а в противном случае пища сия их пользоваться не будет ни мало: чтобы беседы ученых искали, часто их посещали и спрашивали у них, как у знающих, о том, чего сами выразуметь не могут, не окольными дорогами, но прямо и чистосердечно, что многие, не молодым писцам будучи чета, делают, и что им не только разум просветит, но принесет и доверенность, которая всегда в добром, а наипаче в сем случае, хорошие по себе следствия оставляет <...> старинная русская пословица весьма справедлива: век живи, век учись; и чтоб по ней, не превозносяся самоумием, поступали: чтоб, издавая что-нибудь во свет, не бранилися между собою и других бы почти поименно не бранили, ибо всякое задевание особ, что по чужестранному наречию персоналитет называется, показывает невежливость, глупость и злость того, который пишет, и глупость только, да и то на самое малое время веселить может <...> чтобы нравов и доброго вкуса не портили: чтобы, приводя слова из других писателей, к стати и впапад оные приводили и не приставливали бы их не у места; так же и не ломали бы чужих речей до тех пор, пока не выйдет желаемый ими смысл для осуждения или осмеяния того, над кем они жадно и злобно хотят потешиться; чтобы чужих трудов без согласия на то данного за свои не выдавали и не отнимали бы тем у других охоты дальнейшие для пользы общей предпринимати труды <...>» [2, с. 289–293]. Как видим, новые авторы должны быть хорошо образованы, сочинять «легкие», «приятные», а главное, оригинальные произведения и избегать литературных ссор, помня о нормах светского поведения.

Итак, журналы 1769–1774 гг., и в первую очередь «Всякая всячина», предложили элите новый литературный проект. «Старая литература», символом которой являлась ода, была дискредитирована: она сочинялась «льстивыми бездарностями», которые за деньги были готовы восхвалять кого угодно; это «литература плагиата». Ей была противопоставлена поэтика непринужденного разговора с читателем, немотивированности отбора жизненного материала. При этом поэт нового типа — дилетант, прекрасно знающий, как вести себя в свете, как развлечь даму «приятным» и «остроумным» разговором. Он чурается «профессионализма», он пишет по «вдохновению» — только то, что сам считает нужным.

Список использованной литературы:

1. Вечера. Еженедельное издание на 1772 г. — Ч. 1. — М.: Типография Компании типографической, 1788. — 248 с.
2. Всякая всячина. — СПб.: Типография Академии наук, 1769–1770. — 565 с.
3. Гуковский Г.А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. — М.: 2001. — 352 с.
4. Живов В.М. XVIII век в работах Г. А. Гуковского, не загубленных советским хроносом // Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. — М., 2001. — С. 7–37.
5. Живописец Н.И. Новикова. — СПб.: 1864. — 356 с.
6. И то и се. — СПб.: Типография Морского кадетского корпуса, 1769.
7. Ивинский А.Д. Державин и русская журналистика 1760–1780-х годов: к вопросу о статусе торжественной оды // Г. Р. Державин и его эпоха. — М., 2013. — С. 75–85.
8. Ивинский А.Д. Литературная политика Екатерины II: «Собеседник любителей российского слова» / А.Д. Ивинский. — М.: Книжный дом «Либроком», 2012. — 119 с.
9. Николаев С.И. Оригинальность, подражание и плагиат в представлениях русских писателей XVIII века (Очерк проблематики) // XVIII век. Сборник 23. — СПб.: Наука, 2004. — С. 3–19.
10. Парнасский щепетильник. Ежемесячное издание. — СПб.: Типография Морского кадетского корпуса, 1770.
11. Пустомеля. Сатирический журнал. 1770. — М.: Изд. Н.И. Новикова, 1858. — 112 с.
12. Смесь. — СПб.: Типография Академии наук, 1769. — 335 с.
13. Трутень. — СПб.: Типография Академии наук, 1769. — 420 с.
14. Эмин Ф.А. Адская почта, или Переписки хромоногого беса с кривым. — СПб., 2013. — 480 с.

**Russian Literary Magazines Published in 1769s–1774s:
The Problem of Plagiarism and New Literary Program**

The article deals with the problem of plagiarism in Russian literary journals published in the 1769s–1774s. This problem is examined in the context of the new literary program that was formulated in Catherine the Great's «Vsiakaia Vsiachina». Its key points were gallantry and courtesy; new literature imitated spontaneous conversation with the reader. This concept was opposed to the idea of the «old literature» that began to associate with such notions, as flattery, lack of talent, ignorance, impoliteness and plagiarism.

Key words: Catherine the Great, New Literary Program, the Problem of Plagiarism, «Vsiakaia Vsiachina», gallantry.